

Разговор с Бетховеном

В этом необычном «интервью» через 150 лет после смерти великого композитора использованы действительные высказывания Бетховена из писем разных лет и так называемых «разговорных тетрадей». Разумеется, «вопросы» весьма типичны для буржуазного журналиста, однако в «ответах» можно найти немало аналогий с современной западной действительностью, особенно в том, что касается бетховенской оценки состояния критики.

Йоахим КАЙЗЕР

«ЗЮДДОЙЧЕ ЦАЙТУНГ»,
МЮНХЕН.

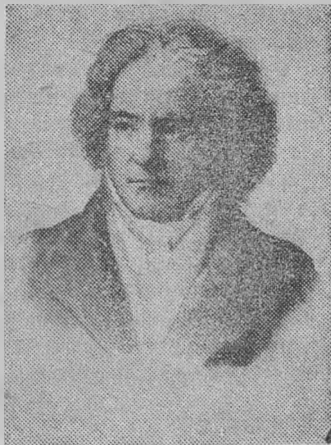
— В первом томе энциклопедического словаря, вышедшего в издательстве Брокгауза еще при вашей жизни, вас хвалят как «несомненно величайшего среди живущих ныне композиторов-инструменталистов». Но там же говорится, что вы, возможно, «внебрачный сын короля Пруссии Фридриха Вильгельма II»...

—...мне как-то давно тоже говорили об этом. Но я сделал своим принципом не писать ничего о себе и не отвечать на то, что пишут обо мне. Ни один рецензент не может похвастаться каким-нибудь посланием от меня.

— В вашем ответе чувствуется недоверие к критикам. К вам, похоже, относились несправедливо?

— Порекомендуйте вашему г-ну рецензенту побольше осторожности и здравомыслия, особенно в отношении произведений молодых авторов, иначе можно отпугнуть человека, которому, возможно, суждено добиться больших успехов. Что касается меня, то у меня и в мыслях не было считать себя неким подобием совершенства, не приемлющим никаких упреков, однако брань вашего рецензента в мой адрес вначале была настолько унижительной, что я, начав сравнивать себя с другими, решил не возмущаться и оставался спокоен совершенно, полагая, что он ничего не смыслил. Я мог хладнокровно взирать на все, наблюдая, как высоко превозносят людей, которые здесь, на своем месте, были в числе лучших, но ничего не значили и почти забыты всеми, хотя и слыли вполне порядочными людьми...

Кто может испытывать нужду в такого рода рецензентах, видя, как эти рецензенты восхваляют до небес самых от-

Людвиг ван Бетховен в 1817 году. Литография Августа фон Кнёбеля.

явленных бумагомарателей и как они вообще в высшей степени оскорбительно обращаются с произведениями искусства и даже вынуждены так обращаться из-за своей неумелости и неспособности сразу подобрать к ним соответствующий масштаб, как сапожник необходимую колодку...

— Не заблуждались ли критики и относительно необычайно высоких требований, которые предъявляли ваши даже самые первые произведения к музыкальности и виртуозности исполнителей? О фортепьянной сонате опус 106 вы сами говорили, что справиться с ней можно только лет через 50.

— Я никогда не стал бы писать такую музыку, но я нередко подмечал, что в Вене у меня иногда бывали гости, которые частенько, прослушав мои экспромты на вечерних музицированиях, на следующее утро записывали много из услышанного и потом хвастались этим как своим. И, так как я предполагал, что эти вещицы могут вскоре появиться (в нотах), я решил упре-

Автограф Девятой симфонии «самого социального из всех музыкантов», по выражению Луначарского.

дить их. Но была и еще одна причина — желание привести в смущение местных пианистов, и вот почему: некоторые из них мои заклятые враги, и я хотел подобным образом отомстить им, так как заранее знал, что эти господа покажут себя с худшей стороны.

— Что вы скажете об исполнении ваших произведений?

— Я хочу... свою оперу («Фалсело») увидеть и услышать сейчас из некоторого отдаления. Тогда по крайней мере не будет подвергаться испытанию мое терпение, как всякий раз, когда я слышу, как рядом калечат мою музыку. Я не могу избавиться от мысли, что это делается намеренно. О духовных инструментах я не хочу ничего говорить, но... Можно спокойно выкинуть из моей оперы все крещендо, декрещендо и форте, ведь на них все равно не обращают никакого внимания. У меня пропадает охота писать еще что-нибудь, когда я слышу подобное.

— А великие пианисты того времени?

— Олш, бог знает, почему моя фортепьянная музыка производила на меня самое удручающее впечатление особенно когда ее плохо исполняют.

— Вы жили в беспокойное время: войны, революции, инфляция...

— Здесь мобилизовали множество людей с положением, говоря, что могла разразиться революция. Но мне кажется, что, пока у австрийца есть пиво и сосиски, он не поднимет революцию.

— Разве позднее одна дама не обращалась к вам с прось-

бой написать «революционную сонату»?

— Какой бес вселился в вас — предложить мне написать такую сонату? Во времена революционной лихорадки — ну, тогда еще куда ни шло, но сейчас, когда все возвращается в старое русло, когда Бонапарт подписал конкордат с папой, — и такую сонату?

— Вас называли великим, однако ничто преследовала вас всю жизнь...

— Какая разрушительная, дикая жизнь вокруг меня — кругом барабаны, пушки, людские страдания всякого рода!... В мире следовало бы учредить магазин искусств, куда художнику достаточно сдать свои произведения, чтобы получить все необходимое ему; а сейчас приходится быть наполовину коммерсантом...

— Что, кроме искусства, служило вам утешением в жизни?

—...я радуюсь, когда имею возможность побродить среди кустарников, по лесам, полдеревьями, среди трав и скал. Ни один человек не любит природу так, как я. Ведь леса, деревья, скалы отзываются на голос, а это так необходимо человеку!..

Читали ли вы «Вильгельма Мейстера» Гете, Шекспира в переводе Шлегеля? Жизнь на природе дает так много досуга... Нет ни одного трактата, который мог бы показаться мне слишком ученым; никоим образом не претендуя на ученость в полном смысле слова, я все же с детства стремился проникнуть в суть высказываний лучших и мудрейших представителей каждой эпохи. Жалко художника, который не считает своим долгом сделать хотя бы это.